

FORMATION OF THE FOLK TRADITION OF GUSAN ON THE EXAMPLE OF THE TALE “ASHIK-KERIB” BY M. LERMONTOV

Shafaghi Maryam^{1*}

Associate Professor, Allameh Tabataba'i University,
Tehran, Iran.

Izadi Owrang²

Assistant Professor, Allameh Tabataba'i University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: February, 2024; date of acceptance: August, 2024)

Abstract

Storytellers have always played a crucial role in the transmission of folk and oral literature, typically categorized into two main groups. The first group consists of ordinary individuals who share folk tales and songs across generations without any specialized skills. In contrast, the second group comprises educated and religious members of society, who must excel in oratory, mastering the art of dance, playing national string or wind instruments, and musical improvisation. These storytellers skillfully blend poetry and prose, demonstrating an acute awareness of vocal tone modulation, all while possessing an impressive memory. Their repertoire often includes myths and tales about heroes, wars, and love. This study focuses on the fairy tale “Ashik-Kerib” by M. Yu. Lermontov, exemplifying the literary richness of the peoples inhabiting the Caucasus region. “Ashik-Kerib,” an Azerbaijani legend, is intricately linked to the Iranian narrative “Mah and Mehr,” which draws from astrological teachings and reflects beliefs in fate and Sufism. Through this examination, we highlight how “Ashik-Kerib” serves as a vibrant representation of the folk tradition of gusan, illustrating the deep cultural connections and storytelling practices that shape the oral heritage of the region. This work ultimately underscores the importance of these narratives in preserving cultural identity and fostering a sense of community among diverse populations.

Keywords: Iran, Gusans, Ashugs, Lermontov, Ashig-Kerib, Sufism.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* Corresponding author

2. E-mail: izadi@atu.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-7592-904X>

СТАНОВЛЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ ГУСАН НА ПРИМЕРЕ СКАЗКИ “АШИК-КЕРИБ” М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Шафаги Марьям^{1*}

Доцент, университет им. Алламе Табатабаи,
Тегеран, Иран.

Изади Овранг²

Старший преподаватель, Университет им. Аламе Табатабаи,
Тегеран, Иран.

(дата получения: февраль 2024 г.; дата принятия: август 2024 г.)

Аннотация

Сказители всегда играли важную роль в передаче фольклорной и устной литературы. Их можно разделить на две основные группы: обычный народ, который передавал народные сказания и песни из поколения в поколение, не обладая при этом какими-то особыми навыками. Сказители второй группы, наоборот, относятся к образованным и религиозным слоям общества. Сказители второй группы должны владеть ораторским искусством на высшем уровне: танцевать, играть на струнных или духовых национальных инструментах, владеть музыкальной импровизацией, уметь сочетать поэзию и прозу, знать где нужно повышать или уменьшать тон голоса. Помимо этого, у них должна быть хорошая память. В данной работе мифы, сказания о богатырях, войнах, влюбленных, и т.п. рассматриваются на примере сказки “Ашик-Кериб” М. Ю. Лермонтова, которая входит в число произведений второй группы как один из ярчайших образцов литературы народов, населяющих Кавказский регион. “Ашик-Кериб” – это азербайджанская легенда, которая тесно связана с мотивами иранского рассказа “Мах и Мехр”, в свою очередь, восходящего к астрологическим учениям, вере в предопределении судьбы, а также к суфизму.

Ключевые слова: Иран, Гусаны, Ашуги, Лермонтов, Ашиг-Кериб, суфизм.

---

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651> * Ответственный автор

2. E-mail: izadi@atu.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-7592-904X>

Введение

В данной научной работе мы рассматриваем источники формирования устной народной литературы, в частности ставим вопрос о том, откуда и когда появилось понятие *гусан/ашуг* в жизни народов, населяющих Иранское нагорье. Гипотеза авторов статьи состоит в том, что данное литературное явление не относится ни к фольклору, ни к письменной литературе. Материалом для данного исследования является изучение вопроса передачи устных сказаний (*мехрбан, гусан, ашик*) на примере сказки «Ашик-Кериб» М. Ю. Лермонтова. Методом исследования является библиотечный метод и изучение научных трудов ученых по тематике данной статьи. Новаторство исследования заключается в рассмотрении вопроса всего региона Иранского нагорья как единого целого, а также изучение тем, поставленных в «Ашик-Керибе» М. Ю. Лермонтова, являющего собой один из ярчайших образцов традиции гусанов.

Основная часть

Литература о гусанах и об особенностях фольклорной традиции сказки «Ашик-Кериб» М. Ю. Лермонтова

Гусаны довольно хорошо изучены многочисленными исследователями этой фольклорной традиции, в первую очередь в России и Иране. Так, Мохаммад-реза Рашед-Мохассел рассматривает процесс составления иранских сказаний на среднеиранском языке и роль гусанов в литературном процессе (Rashed Mohassel 2013.). Сохейла Наджм и Якуб Седик-Джамали в статье «Ашик: Хениягар народа» подробно рассматривают происхождение искусства бродячих певцов. Указав на незначительные различия между гусанами и ашиками, а также сходными с ними явлениями (например, узанами), они определяют ашугов (ашиков) как важнейший культурный и фольклорный элемент в первую очередь азербайджанской литературы (Najm & Sedigh Jamali

2011.). Амар Ахмади детально рассматривает особенности искусства ашугов в статье “Антропологическое исследование искусства азербайджанских музыкантов-ашугов по чтению и исполнению эпосов в истории иранского народа от эпохи Сефевидов до наших дней”. Автор уделяет большое внимание специфике данного народного фольклора в общем, и в Азербайджане в частности (Ahmadi 2014.). В свою очередь Биджан Захири-нав и Джафар Эшги исследуют исторический путь традиции народных бродячих певцов–гусанов в древнем Иране и Месопотамии, а также указывают на их связь с зороастризмом (Zahiri Nav & Eshqi 2014.). У Мэри Борис и Генри Джорджа Фармера имеется монография об иранской музыке и искусстве гусана – единственная монография по теме гусана в своём роде (Boyce & George Farmer 1989).

Между тем подробных исследований о влиянии фольклорной традиции гусанов на произведения иранской и русской литературы не так много. Работы, которыми мы располагаем конкретно по сказке “Ашик-Кериб” М. Ю. Лермонтова, сосредоточены лишь на отдельных литературных явлениях, а также на особенностях повествования и строения данного произведения. Так, П. В. Алексеев изучает “Ашик-Кериб” в контексте мусульманского мистицизма (Алексеев 2008. 76-79), а Е. Б. Дзапарова (Дзапарова 2015. 76-78) и Е. А. Кондратенкова (Кондратенкова, 2018. 201-210) исследуют сказку с точки зрения проблемы перевода национальной специфики. В свою очередь Т. В. Зверева обращает внимание на мифологическую сторону произведения Лермонтова (Зверева 2014. 32-37).

Восточные мотивы в произведениях М.Ю. Лермонтова, в том числе на примере сказки “Ашик-Кериб”, подробно изучены Марзие Яхьяпур и Зейнаб Садеги (Yahyapour & Sadeghi Sahlabad, 2011). В.А. Котельников рассматривает вопрос влияния религиозного мировоззрения, культуры, поэзии и традиции ближневосточных народов на произведения русских писателей 1750-1850 гг.

как М.В. Ломоносова, А.А. Ржевского, В.И. Майквa, В.А. Жуковского, А.А. Шишкова и т.п. (Котельников 2020. 11-33). Таким образом, научные работы, которые детально бы рассматривали фольклорную традицию на примере сказки “Ашик-Кериб”, отсутствуют.

Общие сведения о гусане

Прежде чем перейти к рассмотрению гусанов в произведении М. Ю. Лермонтова, определим особенности данной фольклорной традиции. Для начала заметим, что бродячие певцы являются неотъемлемой частью культуры народов, когда-либо населявших Иранское нагорье. Так, во времена парфянской династии Древнего Ирана (III век до н.э.) применительно к ритуальным музыкантам и певцам использовали слово “мехрбан” (дословно “добросердечные люди, хранители”). Этот термин восходит к господствовавшей тогда в регионе религии мехр, близкой к учению зороастрийцев (огнепоклонников). С течением времени мехрбаны передавали свое наследие новым бродячим певцам, которые уже не были привязаны к каким-либо религиозным догматам, но отличались большей свободой нравов и посвящали свои произведения в большей степени повседневной жизни и бытовым вопросам. Новых бродячих певцов называли гусанами, и период их расцвета пришелся сначала на времена парфянской династии, а затем – династии Сасанидов (III-VII вв. н.э.).

Само слово “гусан” (реже “хнянгар”) дословно можно перевести как музыкант. Гусаны, в отличие от мехрбанов, пели импровизированные стихи на придворных или публичных церемониях. Они занимали особое положение при дворе парфянских царей и считались придворными поэтами. В персидской классической литературе гусаны встречаются главным образом в трех произведениях: 1) в поэме “Вейса и Рамина”, восходящей корнями ко временам Парфянского царства; 2) в сказании “Моджмал ат-Таварих уа аль-

Касас” о путешествии гусанов из Индии в Иран; 3) в сказании “Хомай-намэ”, в котором главный герой Хомай посещает множество стран в поисках подходящей жены. По словам Ксенофонта (V в. до н.э.), до последних дней в честь царя Кира (VII-VI вв. до н.э.) устраивали пир, где гусаны передавали сказания и пели песни. Они играли значительную роль в жизни народа вплоть до завершения эпохи Сасанидов (середина VII века).

При парфянской династии внимание к устным сказаниям сильно возросло, когда гусаны приобрели особое значение и престиж, достигли официального признания и повысили социальное положение. При сасанидах гусаны уже становились членами армии, а одним из условий их принятия на службу считалось хорошее здоровье и отсутствие физических недостатков. Гусаны рассказывали людям истории и пели песни о героях древних времен, играя на таких музыкальных инструментах, как танбур, барбет, комуз или флейта. В большей степени они рассказывали героические, эпические и любовные сказания. Со временем гусаны стали сопровождать свои выступления такими литературными жанрами, как пьеса и комедия. В результате музыкальная импровизация стала высшей формой данного искусства. Другой особенностью творчества гусанов является то, что они не пишут стихи, а рожают их на ходу в момент повествования, часто под аккомпанемент музыкального инструмента. Обычно в конце стихотворения гусан называет свое имя или псевдоним. Благодаря этому некоторые сведения о гусанах древности дошли до наших дней (Najm & Sedigh Jamali 2011). Тем не менее из-за отсутствия оформленной письменности вплоть до XVI века довольно трудно проследить то, каким образом происходили изменения или смешения творчества гусанов с другими народными легендами и рассказами народов Иранского нагорья и Кавказского региона. Так или иначе творчество гусанов или схожих с ними форм бродячего пения получили широкое распространение у целого ряда народов региона и даже за его пределами.

Например, в Армении укрепилась традиция гусанов именно под таким названием (гусан в переводе с армянского – “певец, музыкант и актер”). У тюркских народов такая форма фольклора закрепились под названием “ашуг” (также ашик, или дословно “влюбленный”). В дальнейшем для удобства мы будем использовать термин “ашуг”.

Особенности творчества бродячих певцов–ашугов

Поскольку литература у тюркских народов, в частности у азербайджанских тюрков, в основном была в устной форме, а письменная литература сформировалась под влиянием арабской и персидской литературы, определить точное время появления ашугов на основе документов невозможно. Первые упоминания об ашугах на территории исторического Азербайджана относятся к XVII веку. Как правило, ашуги (наравне с гусанами) – это певцы и импровизаторы, которые, обладая большим мастерством в устной литературе и во многих литературных жанрах, умеют создавать различные повествования о военных и романтических историях, в том числе в форме легенд и песен. Сочетание стиха и прозы, большое количество боевых, а также праздничных мотивов можно назвать отличительными особенностями творчества ашугов. Начало своих выступлений ашуги посвящали рассказам о храбрости и доблести мужчин – их соплеменников. На свадьбах и других праздничных мероприятиях они нередко начинали выступления с романтической истории “Асли и Керим”, которая и сегодня остается популярна у азербайджанских тюрков.

Сказка “Ашик-Керим” как образец традиции устного творчества гусанов

Время написания кавказской фольклорной легенды “Ашик-Керим”, обозначенной самим Лермонтовым как турецкая сказка, совпадает с его первой политической ссылкой в 1837 году из-за стихотворения

“Смерть поэта”. В связи с этим в произведениях данного периода творчества Лермонтова можно исследовать отношение поэта к новой среде жизни и Востока и формированию нового мировоззрения. Параллельно с этим, многие исследователи сходятся во мнении, что “Ашик-Кериб” имеет именно азербайджанское происхождение, а Лермонтов, как известно, проводил время на территории современного Азербайджана. Так, М. К. Азадовский обращает внимание на обилие азербайджанских слов в сказке. В то же время, по замечанию П. В. Алексева, “Ашик-Кериб” находится под большим влиянием традиционных сюжетов всего Ближнего Востока, Среднего Востока и Закавказья, а именно темы верности, забвения, скитания героя и его приключений, а также возвращения на родину. (Алексеев 2008. 76-79; Дзапарова 2015. 76; Гусейнова, 2021. 38). Более того, по мнению Т. В. Зверевой кавказская ссылка оказала глубокое влияние на напряженные размышления Лермонтова об участии русских поэтов, в том числе Грибоедова. По ее мнению, тот факт, что в момент написания “Ашик-Кериба” прошло 7 лет со смерти Грибоедова неслучайно, и поэт нарочно тут выбрал цифру 7 («я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях»).

Т. В. Зверева сравнивает любовь ашика к Магуль-Мегери с любовью Грибоедова к Н. Чавчавдзе (Зверева 2014. 33). Авторы статьи, однако, не согласны с этой идеей. Дело в том, что в Персии число 7 было и остается священным. Оно используется в разных народных обрядах: при лечении бесплодия, во время беременности, при родах. А в зороастризме считается, что «семь планет» приводят душу к Богу. Герой сказания ашик-кериб – мастер. Он возвышает свою любовь в глазах читателя, не приняв деньги невесты на свадьбу. Ашуг сам отправляется в путь на долгие годы (7 лет), чтобы собрать деньги на женитьбу. Тема странствий – довольно характерный сюжет для

гусанов, а позднее и ашугов. Во многих образцах их творчества упоминается о странствованиях в поисках справедливости, любви или заработка для решения насущных проблем.

Параллельно с этим, главный герой – поэт. С помощью своего искусства он преодолевает трудности и достигает возлюбленной. Это также довольно распространенный мотив для гусанов, который мы наблюдаем и в фольклорной традиции ашугов. Параллельно с этим, Т. В. Зверева подчеркивает наличие мифического сюжета в “Ашик-Керибе”, имея в виду путешествие певца в иной мир. В сказке река является своего рода границей между своим и чужим мирами. Переплывая на другой берег реки, герой снимает рубашку. В чужом мире он одевается «в чужие одежды и утрачивает собственное имя» (Зверева 2014. 33).

Мотив забвения также весьма характерен для искусства гусанов, которые посвящали многие свои произведения общению с духами предков, иногда выступая своего рода связующими звеньями между живыми и мертвыми.

В то же время дар поэта-ашуга спасает его от смерти, и он достигает личного семейного счастья. Это также весьма распространенная сюжетная линия для гусанов, которые нередко пели о том, как им удавалось достичь своих целей благодаря таланту и изворотливости в непредвиденных обстоятельствах.

Странствование же главного героя сказки Лермонтова по разным городам и селам – довольно яркий пример бродячего сказителя, который неразрывно связан с образом гусана.

Как подчеркивает Мохаммад-реза Рашед-Мохассел, гусан не был бы гусаном, если бы его образ жизни не был связан с преодолением расстояний, а также жизненных трудностей (Rashed Mohassel, 2013). Это то, что, безусловно, также сближает характер творчества гусанов со сказкой великого русского поэта.

Заключение.

В результате проведенного исследования мы пришли к нескольким важным выводам о происхождении устной народной литературы, а также о роли гусанов / ашуков в культурной традиции народов Иранского нагорья. Понятие гусан/ашуг имеют сложную природу и не может быть однозначно отнесено ни к фольклору, ни к письменной литературе. Эти литературные явления представляют собой уникальный синтез устного творчества и письменных традиций. В историческом аспекте традиция бродячих певцов имеет глубокие исторические корни, уходящие в Древность, и тесно связана с культурно-религиозными аспектами жизни народов Иранского нагорья (зороастризм). В сравнительном анализе сказка «Ашик-Кериб» М.Ю. Лермонтова в контексте фольклорной традиции гусанов выявила значительные параллели между русской и иранской литературой. Лермонтов использует восточные мотивы, что свидетельствует о влиянии восточной культуры на его творчество. Отмечено, что несмотря на наличие работ о гусане и их роли в фольклоре, недостаточно внимания уделяется влиянию данной традиции на русскую литературу, особенно в контексте произведений Лермонтова. Предлагается более детальное изучение взаимосвязей между устной народной литературой и письменными традициями. Подчеркиваем важность гусанов / ашуков как ключевых элементов культурной идентичности народов Иранского нагорья и их значимость с целью понимания литературных процессов как в Иране, так и в России.

Литература

- 1- Алексеев П.В. (2008). «Ашик-Кериб» М. Ю. Лермонтова в контексте мусульманского мистифицизма. Мир науки, культуры, образования. № 1 (8), с.: 76-79.
- 2- Гусейнова Э.Д. (2021). Некоторые заметки о произведении Михаила Юрьевича Лермонтова «АШУГ ГАРИБ». Филологические науки. *East European Scientific Journal* #6(70), 2021. С.: 37-40.

- 3- Дзапарова Е.Б. (2015). “Ашик-Кериб” М. Ю. Лермонтова в зеркале художественного перевода: проблема передачи национальной специфики текста. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. С. 76-78.
- 4- Зверева Т.В. (2014). Сказка, обращенная в миф: “Ашик-Кериб” М. Лермонтова в киноинтерпретации С. Параджанова. Филологический класс № 4 (38), С.: 32-37.
- 5- Кондратенкова Е.А. (2018). О переводах сказки М.Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» на английский язык. Известия Смоленского государственного университета. Ежеквартальный журнал. № 4 (44). Смоленск. С.: 201-210.
- 6- Котельников В.А. (2020). Ближний Восток в русских литературных произведениях 1750-1850 гг. Исследовательский журнал русского языка и литературы. Vol.8, Issue 1, 2020, с.: 11-33
- 7- Лермонтов М.Ю. (1981). Ашуг Гариб (перевод Юсифоглу Э.). - Баку: Гянджлик. - 24 с.
- 8- Гуриева, Т.А. (2015). Осетинско-русско-английский словарь. Том 2. Под ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 570 с.
- 9- Ahmadi, Ammar (2014). *An anthropological study of Azeri music maker Ashiqi in reading epics and playing epics in the history of Iranian people from the Safavid era to the present day*. Journal of Anthropology, issue 12. No. 20. pp. 11-30. [in Persian]
- 10- Boyce, Mary (1990). *Gusan Party and tradition of music in Iran*. Translator: Masoud Rajab Nia. Birch research. By the efforts of Mohsen Bagherzadeh (collection of articles), first edition. Publications of Tos. Tehran. [in Persian]
- 11- Boyce, Mary & George Farmer, Henry (1989). *Two speeches about mendicancy and Iranian music*. Translator: Behzadbashi. Tehran. āgah publication. [in Persian]
- 12- Rashed Mohassel, Mohammad Reza (2013). *The tradition of story making and the standpoint of minstrels in the narration of heroic romance*, The Journal of Epic literature, Issue 14 Vol. 8 Winter 1391, 11-25. [in Persian]
- 13- Zahiri Nav, B., & Eshqi, J. (2014). *Mehrbānān, a Bridge between Iranian and Islamic Culture and Tradition*. Journal of Adab Pazhuhi, 8(28), 29-54. [in Persian]
- 14- Najm, S., & Sedigh Jamali, Y. (2011). *Aficionado: Songster of Demeanor Studying the Origin of Adoration Art*. Quarterly Scientific Journal of Audio-Visual Media, 7(15), 133-154.
- 15- Yahyapour, M. & Sadeghi Sahlabad, Z. (2011). *Mikhail Lermontov and the Middle East*. Tehran, Tehran, Research Institute of Humanities and Cultural Studies. [in Persian]

Bibliography

- 1- Alekseev P.V. (2008). "Ashik-Kerib" M. Iu. Lermontova v kontekste musul'manskogo mistitsizma. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia. № 1 (8), s.: 76-79.
- 2- Guseinova E.D. (2021). Nekotorye zametki o proizvedenii Mikhaila Iur'evicha Lermontova «AShUG GARIB». Filologicheskie nauki. East European Scientific Journal #6(70), 2021. S.: 37-40.
- 3- Dzaparova E.B. (2015). "Ashik-Kerib" M. Iu. Lermontova v zerkale khudozhestvennogo perevoda: problema peredachi natsional'noi spetsifiki teksta. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, № 11(53): v 3-kh ch. Ch. I. C. 76-78.
- 4- Zvereva T.V. (2014). Skazka, obrashchennaia v mif: "Ashik-Kerib" M. Lermontova v kinointerpretatsii S. Paradzhanova. Filologicheskii klass № 4 (38), S.: 32-37.
- 5- Kondratenkova E.A. (2018). O perevodakh skazki M.Iu. Lermontova «Ashik-Kerib» na angliiskii iazyk. Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ezhekvartal'nyi zhurnal. № 4 (44). Smolensk. S.: 201-210.
- 6- Kotelnikov V.A. (2020). Blizhnii Vostok v russkikh literaturnykh otrazheniakh 1750-1850 gg. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury. Vol.8, Issue 1, 2020, s.: 11-33
- 7- Lermontov M.Iu. (1981). *Ashug Garib* (perevod Iusifoglu E.). - Baku: Giandzhlik. - 24 s.
- 8- Gurieva, T.A. (2015). *Osetinsko-russko-angliiskii slovar'*. Tom 2. Pod red. T.A. Gurieva. Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A, 570 s.
- 9- Ahmadi, Ammar (2014). *An anthropological study of Azeri music maker Aashiqi in reading epics and playing epics in the history of Iranian people from the Safavid era to the present day*. Journal of Anthropology, issue 12. No. 20. pp. 11-30. [in Persian]
- 10- Boyce, Mary (1990). *Gusan Party and tradition of music in Iran*. Translator: Masoud Rajab Nia. Birch research. By the efforts of Mohsen Bagherzadeh (collection of articles), first edition. Publications of Tos. Tehran. [in Persian]
- 11- Boyce, Mary & George Farmer, Henry (1989). *Two speeches about mendicancy and Iranian music*. Translator: Behzadbashi. Tehran. āgah publication. [in Persian]
- 12- Rashed Mohassel, Mohammad Reza (2013). *The tradition of story making and the standpoint of minstrels in the narration of heroic romance*, The Journal of Epic literature, Issue 14 Vol. 8 Winter 1391, 11-25. [in Persian]
- 13- Zahiri Nav, B., & Eshqi, J. (2014). *Mehrbānān, a Bridge between Iranian and Islamic Culture and Tradition*. Journal of Adab Pazhuhi, 8(28), 29-54. [in Persian]
- 14- Najm, S., & Sedigh Jamali, Y. (2011). *Aficionado: Songster of Demeanor Studying the Origin of Adoration Art*. Quarterly Scientific Journal of Audio-Visual Media, 7(15), 133-154.

- 15- Yahyapour, M. & Sadeghi Sahlabad, Z. (2011). *Mikhail Lermontov and the Middle East*. Tehran, Tehran, Research Institute of Humanities and Cultural Studies. [in Persian]

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Shafaghi Maryam, Izadi Owrang (2024). FORMATION OF THE FOLK TRADITION OF GUSAN ON THE EXAMPLE OF THE TALE "ASHIK-KERIB" BY M. LERMONTOV. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(2), 175-188.

DOI: 10.61186/iarll.24.9

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/316>

شکل‌گیری سنت عامیانه گوسان بر روی نمونه‌ای از داستان «عاشق غریب» لرمانتف

مریم شفق^{*1}

دانشیار، دانشگاه علامه طباطبائی،
تهران، ایران.

اورنگ ایزدی²

استادیار، دانشگاه علامه طباطبائی،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: فوریه 2024؛ تاریخ پذیرش: اوت 2024)

چکیده

داستان‌سرایان همواره نقش مهمی در انتقال ادبیات عامیانه و شفاهی برعهده داشته‌اند. ایشان را می‌توان به دو گروه اصلی زیر تقسیم کرد: مردمان عادی که داستان‌ها و ترانه‌های عامیانه را از نسلی به نسل دیگر منتقل کرده‌اند، بی‌آنکه از مهارت ویژه‌ای برخوردار باشند. داستان‌سرایان گروه دوم، به عکس، متعلق به قشر تحصیل‌کرده و مذهبی جامعه‌اند. داستان‌سرایان گروه دوم باید از بالاترین سطح فن بیان برخوردار باشند؛ رقص، نواختن تار یا سازهای ملی بادی را بدانند؛ بر بداهه‌نوازی موسیقی آگاه باشند؛ بتوانند شعر و نثر را با یکدیگر تلفیق نمایند؛ بدانند آهنگ کلام خویش را کجا لازم است بالا و کجا پایین بیاورند؛ و علاوه بر همه این‌ها، باید از حافظه خوبی برخوردار باشند. در این پژوهش، اسطوره‌ها، داستان‌های قهرمانان، جنگ‌ها و داستان‌های عاشقان و ... را بر پایه نمونه ادبی افسانه «عاشق غریب» نوشته م. یو. لرمانتف که یکی از آثار گروه دوم و یکی از درخشان‌ترین نمونه‌های ادبی مردمان ساکن منطقه قفقاز است، بررسی خواهیم کرد. «عاشق غریب» افسانه‌ای آذربایجانی است که در پیوند نزدیکی با موتیف داستان ایرانی «ماه و مهر» قرار دارد که پی‌مایه آن (افسانه ماه و مهر) با آموزه‌های نجومی، اعتقاد به سرنوشت از پیش نوشته‌شده و نیز تصوف در ارتباط است.

واژگان کلیدی: ایران، گوسان، عاشوق، لرمانتف، عاشق غریب، تصوف.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

2. E-mail: izadi@atu.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-7592-904X>